

Юриспруденция Средних веков. Данте Алигьери

Ибо Девой именовалась Справедливость, которую именовали также Астреей; Сатурновым же царством называли лучшие времена, которые звались также золотым веком. Справедливость имеет высшую силу лишь при монархе, следовательно, для наилучшего устройства мира требуется монархия или империя. Для уяснения предпосылки следует знать, что Справедливость сама по себе, рассматриваемая в своей природе, есть некая прямизна, как прямая линия, не терпящая никакой кривизны ни там, ни здесь, а потому она не бывает большей или меньшей, как не бывает таковой и белизна, рассматриваемая абстрактно.

Данте

Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт-юрист, «Комедию» (1307—1321) которого нарекли «Божественной», горячий патриот и верный сын Флоренции. Вместе с тем он считал себя гражданином не только этого города, но и всего мира, за судьбы которого болел всей душой. В этом универсализме — оригинальная черта его юровидения, где антропоцентризм начал сменять геоцентризм, делая правосознание раннегуманистическим.

Данте — один из первых мыслителей, кто оставил после себя автобиографию «Новая жизнь» (1292). Он — представитель старинного дворянского рода, учился в Болонье, активно участвовал в политической жизни Италии, примкнув во Флоренции к партии «белых» гвельфов. Эта партия отстаивала интересы пополанов — торгово-ремесленных кругов. После победы «черных» гвельфов (партии городского дворянства) Данте был заочно приговорен к сожжению с конфискацией имущества (1302). Позже отошел от «белых» и

стал, по его словам, «сам себе партией». Всю жизнь скитался по Италии, был приговорен к смерти вторично в 1315 году (этот приговор отменен лишь в 1966 году!).

Трактат «О монархии» (1312) — плод раздумий о создании единого национального государства. Данте воочию наблюдал междуусобную борьбу во Флоренции, бесчисленные войны между итальянскими городами, падение авторитета церкви, интриги папской курии и сделал вывод, что единство страны может быть установлено только извне, со стороны германского императора Генриха VII, вошедшего в 1310 году со своими войсками в Италию. Он видел в Генрихе миротворца, наследника Римской империи, которому предназначено возродить Италию. В трактате обосновывается идеал всемирной монархии как государства, которое должно обеспечить земное благополучие людей.

Творчество Данте конкретно-исторически отражает кризис правосознания средневековья:

Не знаю, сколько буду жив;
Пусть даже близок берег, но желанье
К нему летит, меня опередив,
Затем, что край, мне данный в обитанье,
Что день — скуднее доблестью одет
И скорбное предвидит увяданье.

Эта же мысль неустанно повторяется, редко с такой мрачной сосредоточенностью, чаще — в безудержном гневе. Некогда славный город стал «гнездилищем

неправды и тревог». И одна ли только Флоренция? Данте ненавистно само название реки Арно, в долине которой вместе с «волками» — флорентийцами, живут «лисицы» — пизанцы, дворняжки — аретинцы и «грубые свиньи» — казентинцы. Достаточно красноречивая оценка Тосканы! Но не лучше и Романья! О ней Данте пишет: «Увы, романцы, мерзость вырожденья!» Что может быть безобразней нравов и языка жителей Рима, в котором «ежедневно торгуют Христом». И вообще, о каком бы городе Италии ни зашла речь, у Данте не находится обычно ничего, кроме насмешек и проклятий. «Сгори, Пистойя, истребись до тла!» Сиенцы? Тщеславны. Лукканцы? Продажны. «О Пиза, стыд пленительного края!» — негодует Данте, но через несколько строк — уже о Генуе: «О генуэзцы, исполненные всех пороков, отчего вы не сгинете со света?»

Библейским пророком проходит Данте по Италии, клеймя современников и уличая их в бесконечных пороках и злодеяниях. Исчезли добро и благородство в «растленном итальянском крае». И нет ни одного государства, о котором можно было бы сказать, вслед за Екклесиастом: «Блаженна страна, в которой царь благороден». Бедная Италия! Но суровый взгляд Данте не смягчается, падая и за ее пределы. Оказывается, грех и беславие — повсюду, от Франции до Венгрии, от Испании до Богемии. Если Флоренция сравнивается поэтом с больной, ворочающейся среди перин и не знающей сна, то ведь болен и весь мир. «Обманчивый мир!» — восклицает Данте. «Бесконечно горький мир!»

В то время политическая карта Италии походила на испещренный разноцветными заплатами плащ францисканца. Страна, раздробленная на десятки республик, тираний и графств, испытывала постоянные кровавые междоусобицы. Данте хорошо ориентировался в этой тревожной обстановке, сам доблестно сражался против соседнего Ареццо и вспоминал об этом в «Комедии». Но ничто не было столь ненавистно для поэта, ставшего жертвой политической борьбы, как лязг оружия, наполнявший Италию. Недаром Данте заметил с гордостью: «Не нахожу никого из итальянцев, кто воспевал бы в поэзии оружие».

В главе «Божественной комедии» «Чистилище» есть знаменитый эпизод — встреча с величественной тенью поэта Сорделло, который заключает в объятия Вергилия, узнав в нем земляка. Глядя на эту встречу и вспоминая родину, Данте пишет яростные великолепные строки:

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!
Здесь доблестной душе довольно было
Лишь звук услышать милой стороны,
Чтобы ока сородичей почтила;
А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.
Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обители найдутся?

Сложившаяся противоположная ситуация имеет ряд причин, среди которых Данте особо выделяет и анализирует две: раннебуржуазный, торгашеский дух итальянцев, определивший вырождение их правящей элиты, и светскую власть римских пап.

/190/

Все симпатии поэта — в глубокой старине, там, где лежала Флоренция «в ограде древних стен». Она ему представляется во всем прежнем величии и чистоте.

Ремень лишь пряжкой костяной украся,
Носил сеньор...
его жена
От зеркала являлась, щек не крася.

Была из кож одежда не срамна.

<...>

Не бегали н жены от веретен

И льна.

Счастливицы, в родном погосте ждали

Они могил.

И в брачную постель

Для Франции мужья их не кидали.

Не было смешения народов, а ведь «всегда лежит в смешении племен источник зла для граждан». Тогда «кровь граждан была в последнем ратнике чиста». Тогда еще не были заключены в черту города его окрестности, и не приходилось гражданам противную «мужика из Синьи вонь сносить и позволять рабу из Агульона свой жадный взор ко взяткам наострить». Тогда какой-нибудь «торгаш» не смел выдать свою дочь за флорентийца.

Но все это погисло. Вымирали роды:

Такая весть не есть уж новизна,

Коль вымирают грады и народ

... Возродился

... наглый род,

... Что был к бегущим лих,

Как злой дракон,

а с тем, кто кажет зубы

Иль кошелек, бывал, как агнец, тих.

Появились новые люди «из черни грубой». Испортились все те, что «приняли в свои дома барона герб» и носили «рыцарей названье». Ведь «тот из них, кто перешел в народ, герб златом окружить имел желанье».

В конце концов правящая элита — аристократия полностью развратилась вследствие борьбы партий и роскоши, а во главе итальянских городов-государств встали либо тираны, либо чернь со своими вождями, не имеющие чести, иных доблестей, необходимых для утверждения общего блага. Не раз к несчастной Италии приходили люди, которые могли ее спасти. Но все покинули ее: и Юстиниан, и Цезарь, и Альберт Немецкий, и Рудольф император, и Оттокар. Единственной опорой осталась римская церковь. Но с нею дело обстояло еще хуже.

Данте — убежденный католик, но он против светской власти церкви в Италии.

Под влиянием богатства и власти церковь тоже развращена. В адрес продажных пап летят критические стрелы:

Ваш алчный дух всем в мире омерзел,
Топча добро и вознося пороки...,
Вам богом стали золото и серебро.
Неверных лучше ль вы?
По крайней мере
Их бог один, у вас их ныне сто.

/191/

Церковь нарушила разделение властей, которые были поставлены от Бога вести человечество. Теперь же «церковь Рима, две власти разные в себе смешав, упала в грязь, а с ней и диадема». Державный город — седалище великой блудницы, «злой отпрыск супостата» сатаны, «что первый к Богу стал спиной и чьей злой завистью так вся земля богата», он «проклятый цвет развел на пастве всей, овец и агнцев сбив с пути ехидно, зане стал волком пастырь их, злодей». Церковники «забыли там постыдно Евангелье».

Закона никто больше не хранит. Печать церкви и герб ее — знак жестокой борьбы и убийства. Этот знак «стал гербом для скрепы лживых прав, неизвестных прежде». Сами пастыря превратились в «хищных, злых волков». Проповедь извратилась в балаган и гаерство, и надо всем царит индульгенция во отпущение грехов:

Ведь глупы так земные поселенцы,
Что без проверки с помощью ума
Всем отпущеньям верят, как младенцы...
Вскормил свинью Антонин, дабы тьма
Других свиней и хуже той жирела,
Платя за то монетой без клейма.

Иначе и быть не может: все это результат падения единой власти и единого закона.

Так Рим, державший целый мир в узде,
Имел два солнца, чтоб светили двое
В путях мирских и Божеских — везде.
Теперь одним погашено другое,
Меч с посохом слился, и два в одних руках
Естественно ведут лишь на дурное.
Слиясь, один убил к другому страх.

Данте меньше всего схоласт. Это политический боец, предлагающий реальное «лекарство» для заболевшей родины — программу выхода из кризиса тогдашней Италии в виде всемирной христианской империи. Еще при вступлении Генриха VII в Италию Данте в своем послании возвещал скорое установление Царства Божия на земле. «Титан — носитель мира снова воспрянет, и справедливость, совсем замершая без лучей солнца, как замирают

растения в пору солнечного поворота, снова оживет». Приход императора пробудит «второго Моисея», который освободит Италию и поведет ее в страну, где текут «реки медовые и молочные». Подобно мессии, Генрих накажет неправду «острым мечом своим», и тогда «покажутся зеленые всходы, которые принесут истинные плоды мира; ибо, когда страна наша засияет такою зеленью, новый земледелец-римлянин с большей охотой и большим доверием поможет работе мудрым советом своим».

Данте воскрешает путь универсализма и космополитизма, рожденных в эпоху Римской мировой державы, исходя не только из богословских преданий о ее христианском призвании. Он ссылается на авторитет арабского писателя Аверроэса с его учением о присущем всем людям разуме, который становится всеобщим деятельным разумом. Человечество с его помощью приобретает действительное существование и единство, которому по плечу высшая задача, а именно — установление мира и справедливости.

/192/

Империя благодаря единству власти может установить справедливость и мир. Ведь там, где есть борьба и ссора, должен быть суд. Между двумя государями в случае распри нужен арбитр. Война может быть предотвращена лишь третьим лицом, стоящим над сторонами; лишь верховный судья, глава целого мира, окончательно прекратит войны и даст миру юридическое торжество. «Мне, — говорит Данте, — Вселенная служит родиной, как рыбам море». Человечество — неразделимое одеяние Христа».

В «Божественной комедии» в художественной форме фактически изображена всемирная история. Однако для достижения единства людей, считает Данте, нужна такая политическая форма, как средневековая Священная Римская империя. Обращением к этой форме он вынуждает себя к анализу соотношения власти папы и императоров. Сначала разбивает аргументы, которые приводились в пользу духовной власти. Внимательно и подробно опровергает доводы из Священного писания в пользу теократии. Так, он считает, что сопоставление солнца и луны вовсе не обозначает власти, но лишь свет милости. Лишаются доказательственной силы ссылки на низложение Саула Самуилом, на принесение младенцу Христу волхвами ладана, золота и смирны, на то, что апостол Петр дважды обнажил свой меч. Признается невозможным дар Константина, так как государь не имеет права делить свое

государство. Венчание Карла Великого не имеет силы, потому что не раз императоры назначали пап, как это было с Отгоном и папой Львом XIII. Вывод из всех этих суждений один: за папой остается духовная власть, за империей — светская. Эти две власти должны стоять рядом друг с другом. Ибо человек обладает телом и душой, поэтому у него двоякая цель — временная и вечная, он стремится не только к земному, но и к небесному благу и нуждается в двояком руководстве. Для высшей цели нужны священник и церковь, но последняя «не от мира сего». Ей присущи лишь пути веры, надежды и любви. Она не может владеть ни золотом, ни серебром, ни тем более светской властью. Земной мир — отражение устройства Вселенной. И подобно тому как Вселенной движет Бог, на земле его представитель — всемирный монарх. Не церкви, а государству принадлежит поэтому руководство всей земной жизнью под непосредственным управлением самого Бога.

Всемирная империя должна быть не только священной, но и Римской. То есть космополитизм и универсализм Данте носит итальянский характер. Для него безразлично национальное происхождение самого императора. Мы уже видели его отношение к немцу Генриху VII. Было время, когда он звал к делу освобождения родины жителей Ломбардии как потомков лангобардов, сынов Скандинавии. Но возрожденная империя при любых обстоятельствах должна быть Римской, римский народ должен участвовать в управлении государством, а его главы должны жить и действовать именно в Риме.

Поэт пишет целый панегирик римской истории. В противоположность Августину, который все земное царство считал областью греха, он утверждает, что римляне предопределены Богом к установленной власти. Италия и Рим предназначены для всеобщего господства, без которого человечество не может достигнуть земного блаженства. В «Энеиде» Вергилия есть зачатки плана всемирной истории, причем сам Вергилий выступает провозвестником силы, данной от Бога римскому народу. За римское господство говорят и разум, и откровение Бога. Именно

/193/

римляне сохранили наиболее чистую кровь и по происхождению являются благороднейшим народом в мире. Родоначальник римлян — герой «Энеиды» Эней обладает высокой аристократической доблестью, И вместе с тем по

крови он принадлежит и Азии, и Европе, и Африке. Целый ряд чудес, данных Богом, подтверждает Божие благоволение к Риму.

Римский народ доказал свою способность к универсальному господству. Покоряя другие народы, он стремился достичь высшей цели справедливости — общего блага. Именно римляне дали ряд героических личностей, которые отдавали жизни за отечество. Сами войны Рима с другими государствами — поединок в великой борьбе за власть перед Божьим судом. Победы Рима — приговор этого суда, так как именно ему было предназначено лидерство. Наконец, сам Христос освятил и благословил Рим тем фактом, что захотел совершить свой подвиг искупления человечества именно при Августе и его наместнике Пилате. Тем, что Христос был занесен в перепись при Августе наравне с остальными подданными Рима, подтверждается верховенство Римской империи.

Однако возрожденная Римская империя не должна быть унитарной. Императорская власть предназначается лишь для заведования делами, общими всем людям, при помощи справедливых законов. Но это не значит, что должны быть подавляемы отдельные народности и что мельчайшие дела той или иной местности должны поступать к верховной власти. У каждого народа свои правители и законы. «Иначе должны быть управляемы скифы, подверженные большому неравенству дней и ночей и мучимые нестерпимым морозом. Иначе и гароманты, чья жизнь проходит в стране, где день равняется ночи, где дневной свет походит на ночной мрак и где жители ходят обнаженными вследствие несоразмерно раскаленного воздуха».

Императорский авторитет должен быть един для всех. И если он соединится с мудростью, то направит человечество к блаженству на земле, к установлению Царства Божия, «Любите свет мудрости, все вы, стоящие во главе народов». Обращаясь к государям, Данте говорит им: вы, «властители и тираны, смотрите, кто сидит в совете, и сосчитайте, часто ли цель человеческой жизни высказывается в ваших ежедневных советах. Лучше было бы для вас летать низко, как ласточки, чем описывать, подобно орлу, высшие круги над самыми низкими предметами». Император-мудрец, опирающийся непосредственно на Рим, дающий лишь высшие распоряжения, издающий лишь общие законы, — такова фигура царя Вселенной, носителя мира. Таков «был царь, просивший мудрым стать, да царский сан на нем пребудет светел». Всемирный монарх установит мир, справедливость и свободу. Единство этих целей и единство

человечества связываются с единством стоящей во главе государства человеческой воли.

Предполагается, что монарх, поставленный выше всех, теряет ту жажду власти, которая руководит большинством людей и приводит их к порокам. Император благодаря его сану имеет все, а потому свободен от алчности и корысти. Ничто не стоит на пути справедливости. Он освобождается от низких вожделений и исполняется любовью к ближним. Эта любовь обеспечивает его подданным свободу, ибо он желает, чтоб они все стали добрыми. Каждый стремится к высшей цели и становится гражданином. Человек свободен, если существует ради себя. В такой

/194/

империи граждане существуют не ради консулов и народ не ради короля, а наоборот, консулы для граждан и король для народа, так же как император ради справедливых целей. Монарх здесь господствует по отношению к средствам, относительно же цели он слуга человечества. И только в отношении духовном эта власть дополняется священством, лишенным всякой силы принуждения, которому принадлежит не власть, а уважение.

Проблема «расшифровки» Дантова понимания монархии вызвала дискуссию. По мнению историка Возрождения Л.М. Баткина, у Данте идея всемирной монархии проводится формально, по существу же «это идея монархии национальной, итальянской». Отдавая власть в своем государстве императору-чужестранцу, Данте, подчеркивает исследователь, отнюдь не развивал очередной, «немецкий» вариант Священной Римской империи. «Поэт полагал, что не Германия, а Италия должна стать центром всемирной монархии», госпожой провинций. Так, повсюду под покровом требования всемирной монархии у Данте скрывается стремление к национальному единству. Думается, однако, что этот вывод не совсем точен, ибо он не учитывает специфики дантовского понимания самого феномена государства, а также тенденций юридической мысли позднего Средневековья.

Так какова же форма Дантовой империи? В его идеальном государстве коммуны и королевства по-прежнему пользуются своими правами суверена во внутригосударственных отношениях. «Будут править короли, аристократы,

которые называются еще оптиматами, и ревнители свободы народы». Но поскольку во внешних отношениях «равный равному не подвластен», постольку над этими государственными формами должен возвышаться монарх, обладающий как бы координирующими функциями. По мнению юриста В.Э. Грабаря, это действительно не означает, что перед нами централизованное государство; нельзя, видимо, считать Дантову всемирную монархию, как полагает культуролог И.Н. Голенищев-Кутузов, и федерацией. Скорее, это конфедерация, а точнее — феодальный политический союз.

Мысль Данте предопределена коммунальными традициями. Монарх его не венчает феодальную пирамиду, но властвует над миром наподобие старейшины, правящего общиной, где все равны. Идеалом же общины, расширенной до пределов мира, служит античный полис.

Итак, основным для Данте является понятие города-государства, или *civitas*, то есть корпоративного союза, который он называл своей родиной — Флоренцией и которому хотел придать облик спасенной вечности, «золотого, Сатурнового века», переместившегося из прошлого (Рим при Августе) в будущее. Достижение благополучия Данте считает возможным в империи, цель которой «та же, что и города».

Задача Данте — не обосновывание национальной «просвещенной» монархии, а поиски юридических начал государства как такового, пусть и выступающего в виде всемирной монархии. Форма же государства не столь важна, главное — чтобы политический союз базировался на общем благе, свободе и законности. Более того, у поэта просматривается еще отчетливо не выраженная догадка об универсальном характере властвования. «Ведь священными законами и пытливым человеческим разумом установлено, — подчеркивает он в

/195/

«Послании к флорентийцам», — что всеобщая (государственная. — Н.А.) власть, пусть даже ею долго пренебрегали, никогда не умрет и никогда, как бы она ни была слаба, не будет побеждена».

Данте в обоснование своей программы использует и другие аргументы, теперь уже из римского права. В частности, он полагает, что власть императора — юридическое понятие. Империя есть правовое установление, охватывающее всю власть светского права; следовательно, она предшествует тому, что осуществляет ее власть, то есть императору. Последний не вправе «изменять правопорядок». Более того, он не может ни «отделить какую-либо часть от правовой мощи империи», ни уменьшить суверенитет, ни передать его по наследству. Данте начинает различать свойства публично-правовой власти, то есть суверенитета (в современном ему понимании), и его носителя, отказываясь от патримониальной трактовки государственной власти, бывшей в Средние века господствующей. Государство (всемирная монархия, империя) — автономная ценность, перед лицом которой все отступают, включая и суверена.

Отстаивая личные свободы, а также прерогативы государства от духовного диктата, веря в человеческий разум, Данте опережал свое время. И все же считать его юрорвидение не средневековым было бы неправомерно. Оно свидетельствует только о кризисе теологического правосознания, а за пределы средневековья Данте не выходит.

Более того, монархическая юриспруденция, созданная Данте, — это, конечно, возврат не только к проектам, подобным проектам Платона или римских юристов, но в значительной степени также к идеям угасающего средневековья. Именно последнее облегчило возможность сочетания античного идеала с жестокой римской действительностью и дало христианству идеализацию погибшего царства «меча и крови». Император у Данте — не просто орган объединения человечества, но сверх того — властитель священный, идеальный и христианский. В значительной степени поэтому он, будучи противопоставлен реальной теократии, сам приобретает такой же теократический характер и становится властителем не только тела, но и духа и косвенно подготавливает своим подданным блаженство не только на земле, но и на небе. Священство сохраняется. Но око, с папой во главе, несомненно, нисходит на положение подчиненного органа и превращается в орудие светской монархии.

Такая программа воскрешает византийские образы цезарепапизма. Это консервативная реакция на наступление раннебуржуазных отношений, протест против победного шествия торгового первоначального капитала. В конструкции Данте имеются и черты будущего. Объединение всего

человечества в едином государстве с сохранением национальных особенностей; установление всеобщего мира; создание всемирного права; обеспечение безопасности, свободы и благосостояния по крайней мере всей Европы — черты буржуазной экспансии в рамках целой планеты. Наполеон в своем стремлении дать Европе и Азии мир, свободу и справедливость, сам этого не зная, повторит дантовские слова, выступая в защиту интересов всеобщего буржуазного правопорядка под флагом космополитической монархии.

/196/

Источник: <http://dante-a.com/yurisprudenciya-srednix-vekov-dante-aligeri/0/>